

безучастным к этим раздражителям. Только помните: преодоление пьянства — лишь условие нравственной жизни. Наша цель не от любви к водке избавиться. Наша цель — жить по заповедям, избавляясь и от других страстей, не допуская их развития. Страсть лишает благодати, счастья, смысла жизни. А победа над пьянством дает предпосылки для победы и над другими страстями. Алкоголизм, например, связан с чревоугодием.

Мы должны всю свою жизнь перестраивать так, чтобы во главе всего был Господь. Тогда жить без связи с Богом — действительной, гармоничной, благодатной — будет немислимо. Но для этого нужно пройти большой путь, и каждый день учиться — молитве, воздержанию, умеренности во всем.

Вечный праздник

*Рассказывает
Надежда*

Когда-то мне казалось, что жизнь непременно должна быть праздником. Исходя из этого непоколебимого постулата, я и пыталась строить свою непутевую судьбу. Работу выбрала творческую, мужа — веселого, и собралась коротать жизнь в полном своем удовольствии.

Поначалу все шло по плану. В доме одна компания сменяла другую, на работе (я устроилась в художест-

венную галерею) торжественное открытие выставки плавно перетекало в закрытие. Иногда, конечно, по утрам побаливала голова от излишков шампанского да пробирал легкий стыд от наговоренных накануне глупостей. Ну, да не беда. Все мы люди, все мы человеки. «С кем не бывает», — как любит повторять наш сердобольный к пьяницам народ.

Почему-то о том, что праздник никогда не длится вечно, я тогда не задумывалась. И странное дело — народ вокруг словно менялся вместе со мной. Постепенно веселые сборища художников да рок-н-ролльщиков, собиравшиеся у нас дома, превращались в обычные посиделки неудачников, жалующихся на горькую судьбину и жестокий мир. Позже и этих разговоров не останется, мы просто станем сбиваться в кучку, чтобы согреться, — понятно, чем.

В поводах для возлияний становилось все меньше и меньше нужды. В галерее отключили отопление — чем не повод? Кто-то из посетителей стащил мою сумку — и подавно! Художники оставили торт в преддверии Нового года — нужно сбегать. Нечего есть, зарплату третий месяц не платят — просто грех сидеть всухую! И т.д. и т.п. «Идем, идем в кафешку “за углом”, по сто грамм коньячку!» — предлагал обязательно кто-нибудь. Предлагал каждый день. Если все эти «стограммы», выпитые нашим коллективом, слить сегодня в какой-нибудь резервуар, можно будет целую зиму отапливать небольшой город районного значения. А если описать все истории, случавшиеся с нами, получится весьма занимательное (и поучительное) чтение. Впрочем, многих из участников того веселья уже нет в живых...

Вкакой-то момент я поняла, что праздник кончился. Поскольку мысль об этом показалась мне невыносимой, я преодолевала ее доступными мне средствами. Тогда в продаже как раз появились слабоалкогольные и сладкие коктейли — эдакий мини-праздник, который всегда с тобой. Наверное, тогда же я поняла, что нужно что-то делать. Но как?

Я давала себе слово, строго глядя на свое отражение в зеркале, — раз 500. Я сохраняла колечки от банок джина и носила их в кошельке — как грозное напоминание о данной себе клятве — до следующего повода. Я пыталась пить лишь «красное виноградное», лишь по заслуживающим того повода, лишь в приличной компании, лишь по две рюмки и т.д. и т.п. — бесполезно! Я ушла с работы — было уже поздно.

Мне бы очень хотелось написать, что ушла я с работы именно потому, что там слишком много пили. Увы, уволилась я оттого, что там перестали платить деньги и «за углом» буфетчица привычно выдавала нам хлеб с квашеной капустой в обмен на наши копейки. О том, что «у нас с собой было», она, конечно, знала, но тактично молчала. «Все мы люди, все мы человеки». Сейчас в том замечательном месте — дорогое аргентинское кафе.

Я всегда завидовала людям, которые могут принять решение — и совершать хотя бы какие-то усилия для его выполнения. Нет, единственным моим «волевым» шагом был поход под руководством встревоженной подруги к врачу, который любезно согласился принять мою месячную зарплату в обмен на душеполезную беседу с элементами кодиро-

вания. «Лечения» хватило на две недели и не продай мы с мужем как раз тогда квартиру, неизвестно на что бы и жили.

В общем, мне было нужно, чтобы и решение кто-то принимал за меня, и волевые усилия совершал тоже кто-то другой. Со своей стороны, я могла предложить одно: смутное желание жить как-то иначе. А еще почему-то — надежду, что это каким-то образом может произойти. Фантастика? Отнюдь — если только слово «Другой» написать с прописной буквы.

Как и почему я приняла крещение, объяснить смогу вряд ли. В голове варилась каша из университетских знаний, прочитанных книжек, кухонных споров, случайных встреч... Художники при всей своей забубенности — народ к духовному миру чуткий. Первые слова о Боге я услышала совсем не из праведных уст — а, может, в этом и заключалось все дело?... За чашкой недозрелой браги, в квартирке церковного сторожа (в советское время — профессия наиэкзотичнейшая) я впервые поняла, что верующий может быть не только психически нормальным, но и весьма образованным человеком. А на Малой Бронной, по которой я бегала каждый день на работу, меня вдруг поразил облик продающего церковные книжки юноши. Про таких, наверное, и говорят: не от мира сего... Потом один умнейший человек — физик, переводчик, а сейчас еще и известный православный философ, — вдруг обронил, что увлекся православной мистикой и даже собирается писать на эту тему книгу. Я удивилась тогда страшно. Но и заинтересовалась. Мистика, было принято думать,

есть у буддистов да рериховцев, откуда ей взяться у темных православных?!

После крестин священник сказал мне, что надо будет обязательно причаститься в ближайшие три дня. Почему-то, несмотря на всю свою разболтанность, я поняла, что сделать это нужно непременно. До храма добралась, правда, месяца через два, а до первой исповеди — и того позже. Сейчас, вспоминая, я чувствую, как Чья-то Рука взяла меня тогда за шкуру и принялась потихоньку разворачивать в нужном направлении. Я стала ходить в храм, сначала редко, потом чаще, я исповедовалась и причащалась. Я интуитивно чувствовала, что это необходимо — как понимает ребенок, ведомый в ходунках родительской рукой, что следующий шаг неуклюжей ножкой сделать все-таки придется. Я не размышляла, не анализировала, я просто потихонечку училась ходить, не понимая еще, как мне это нужно и даже не связывая это со своим образом жизни и греховной страстью. Ребенок тоже не понимает, зачем его учат делать первые шаги и как потом ему это занятие здорово пригодится.

Спустя лет пять я доковыляла все-таки до села Ромашково, изрядно потрепавшись в борьбе за вечный праздник жизни. Теперь я знаю, что праздник все-таки может быть вечным — но совсем не таким, каким представлялся мне раньше. А главное, действительно вечным. Только его, этот праздник Вечной Жизни, надо заслужить.

Здесь я узнала массу простых вещей, о которых знают, собственно, все нормальные люди. Оказывается, радость не всегда связана с рюмкой, а творческий про-

цесс — с сигаретой. Оказывается, общаться и даже смеяться можно, будучи трезвыми, а в однообразии внешних событий жизни не видеть скуки. Оказывается, совершить самый важный и разумный в жизни шаг можно абсолютно без усилия воли — было бы искреннее желание и Кто-то Другой рядом.

Я больше не пью и не курю, я не произношу бранных слов и скучаю в компании бывших друзей. Кто-то считает, что у меня «поехала крыша», кто-то уверен, что я умело скрываю вшитую «торпеду». Третьи, искушенные в борьбе со грехом, наверное, подумают, что мне все далось слишком легко. Легко, не спору. Но я тоже плачу свою цену. Тот, Кто учит нас ходить, никогда не дает непосильных бремен. По всей видимости, именно таковым стала бы для меня, слабой и глупой, ежедневная и ежечасная борьба с собственным желанием. А потому я расплачивалась иначе.

Ведь у меня был муж. Когда-то я начала выпивать, чтобы не так злиться, когда вижу его пьяным. Потом появились сборища и все остальное. Я смогла обогнать его на пути в пропасть и, задержавшись на самом краю, вернуться — слава Богу! — обратно. А он продолжал идти туда, к обрыву. Он наотрез отказывался ехать в Ромашково, считая, что «вся эта наша религия» не для него. Ему не хотелось ничего менять, ему было хорошо в уютном кресле, перед телевизором с бутылкой водки, укрытой от моих глаз в «надежном» месте. Он не видел, как меняюсь я. Точнее, мои изменения вызывали в нем только раздражение. Из «единомышленницы» я превратилась во врага. Да, я закатывала ему шумные скандалы, да, ударялась в морализаторство и доморо-

ценное неопитское миссионерство — особенно глупое и неуместное, когда речь о Боге ты ведешь с совершенно пьяным человеком. Признаюсь, я вела себя глупо и не всегда, мягко говоря, по-христиански. Подсознательно я чувствовала, что единственный способ, с помощью которого я могу победить — это смирение, это терпение, это любовь. До первого качества я еще не доросла, второе заканчивалось очень быстро, а третье — любовь к мужу — как я понимаю, истощилось очень давно.

Возвращаясь из церкви домой, я пыталась представить себе, что ждет меня там, всякий раз давая себе обещание, что не выйду из себя, что стерплю. Я попытаюсь сохранить переливающийся всеми красками праздник хотя бы в своей душе, если и не удастся пока разделить его с близким человеком. Но всякий раз меня ожидал отвратительный сюрприз, к которому я не была готова. Особенно гнусными становились эти «сюрпризы» на церковные праздники — как только он чувствовал, откуда знал...

В один из таких праздников после вечерней службы у меня зазвонил мобильный. «Не приходи сегодня домой, — сказал мне еле вяжущий лыко супруг, с которым мы прожили на тот момент 17 лет, — у меня теперь новая жена». Тогда мне казалось, что я не выдержу, не выживу. Впрочем, и не знаю, как смогла бы перенести все это, когда б не поддержка — и не только моральная — наших общинников.

Но как же милостив Господь! Как я могла сомневаться, что он не дает Креста выше сил?! Властной и любящей рукой он освободил меня, глупенькую, от неудобного бремени, которое я продолжала упрямо тащить, считая, что это — мой Крест.

Я больше не трясусь от страха, возвращаясь домой, не плачу по ночам, не прячу деньги и не шарю по шкафам в поисках тайников. Я не скажу пока, что счастлива. Но я свободна. Я не смогла спасти своего мужа, зато теперь могу молиться. Ведь в моем сердце больше нет злобы.

А с ней не пускают на праздник.

